

Уровень доверия Шэнь Яня к приложению «Исполнение желаний» в эту самую минуту подскочил с тридцати процентов сразу до шестидесяти.

Почему не до всех ста? Да потому что раньше, пока они не переругались впустую, Цинь Цзигуй и так обычно потакал Шэнь Яню во всём.

Так что далеко не факт, что тут сработала программа.

Вполне возможно, Цзигую просто остатков совести хватило давить на тормоза — день рождения всё-таки.

А как оно на самом деле, прояснится завтра.

Впрочем, Шэнь Янь с детства был из тех, кого проще простого порадовать и задобрить. Настроение, портящееся за секунду, исправлялось так же стремительно — малейшая подачка, и он уже сияет от удовольствия.

Так что радость от промежуточной победы в их затяжной войне полностью затмила все сомнения насчёт волшебного приложения.

Насладившись ещё тремя заветными «братиками», Шэнь Янь проигнорировал взгляд Цинь Цзигуя — холодный, словно у покойника, — и победно пошлёпал тапочками в ванную, чтобы умыться и переодеться.

В доме было три узла. Один, гостевой, располагался на первом этаже рядом с гостиной — без душа и личных вещей, для гостей и прислуги. Остальные два — в хозяйской спальне на втором этаже и в комнатке Цинь Цзигуя. В обоих стояли ванны и соблюдалось разделение на сухую и влажную зоны.

Лезть на второй этаж в покои тёти Цинь и её мужа Шэнь Янь, понятное дело, не собирался, так что пришлось идти к Цзигую.

Разве что ванная у Цинь Цзигуя отличалась внушительными размерами: зубные пасты, щётки, полотенца и расчёски стояли строго по разные стороны раковины, словно пограничные столбы, подчёркивая полное нежелание владельцев пересекаться.

Не разберёшь, кто кем брезгует больше.

Шэнь Янь недовольно буркнул что-то под нос, взял тубик и уже занёс над щёткой, как вдруг почувствовал: он что-то упустил.

Не из того, что произошло по пьяни, а из того, что было ДО.

И это «что-то» явно касалось Цинь Цзигуя. Более того, нутром чуялось: причина была крайне уважительной для серьёзной обиды.

Но что именно?

Шэнь Янь ломал голову пару минут, но, так ничего и не вспомнив, махнул рукой.

Какая разница? Если система исполнения желаний с вероятностью в шестьдесят процентов работает, то дальше он сможет крутить Цзигуем как захочет. Пара каких-то забытых мелочей погоды не сделают.

С этой мыслью Шэнь Янь щедро выдавил на щётку внушительную колбасу пасты.

Теперь он мог позволить себе немного роскоши.

При тёте Цинь обед прошёл в атмосфере полной тишины и благоденствия.

Но стоило им переступить порог дома, как Шэнь Янь тут же сбросил маску: подхватил рюкзак за лямку и ткнул им прямо в грудь Цинь Цзигую:

— Тяжёлый.

Цинь Цзигуй молча закинул рюкзак на одно плечо.

В лифте Шэнь Янь лишь гордо вскинул подбородок.

Цзигуй привычно ткнул кнопку первого этажа.

У школьных ворот Шэнь Янь замер, демонстративно утопив руки в карманах.

Цинь Цзигуй с портфелем за спиной наклонился и заполнил журнал посещений.

Добравшись до задней двери класса 2-6, Шэнь Янь по-барски развалился за своим столом.

Цинь Цзигуй аккуратно поставил его портфель и водрузил рядом баночку ледяной газировки:

— Что-то ещё?

— Свободен, — лениво отозвался Шэнь Янь, откинувшись на спинку стула и едва заметно поведя кистью. — Иди занимайся своими делами.

Вид у него был вопиюще наглый.

И что самое поразительное — Цинь Цзигуй лишь спокойно уронил скупое «угу» и развернулся в сторону своего первого класса, словно подобное хамство было для него в порядке вещей.

Ученики шестого класса, привыкшие шарахаться от ледяного и неприступного председателя, хором вытаращились на эту сцену:

«?»

Это ещё что за фокусы?

С каких пор Цинь Цзигуй стал таким доступным, душевным и кротким?

— Брат Янь, ты что, накопал на Цинь Цзигуя какой-то компромат? — выдвинул дедуктивную гипотезу Го Ю, сияя незаурядным умом.

Шэнь Янь вальяжно покрутил в руках банку с газировкой:

— Никакого компромата. Обычные будни.

Го Ю, вспомнив, как вчера вечером Шэнь Янь в ярости готов был пустить в ход холодное оружие, мысленно поперхнулся.

Похоже, у них несколько разнились понятия об «обычных буднях».

Вслух он, разумеется, озвучивать это не рискнул, а лишь аккуратно закинул удочку:

— Слушай... а у вас вчера ночью случайно не произошло чего-нибудь... эдакого?

Ну, вроде того, где свирепый школьный задира не выдержал высокомерных замашек холодного гения, прижал его к стене и дубасил до тех пор, пока тот, с заплаканными глазами, не прошептал: «Вся моя жизнь принадлежит тебе»?

Ведь хоть Цинь Цзигуя все и опасались из-за его давящей ауры, никто и никогда не видел, чтобы тот лез в драку, с кем-то ругался или хотя бы раз нарушил школьный устав.

Перед ними возвышался идеальный образ: примерный ученик, соблюдающий закон и порядок, образцовый медалист, вознесшийся над мирской суетой. На его фоне Шэнь Янь — с его постоянными прогулами, драками и свежим шрамом на лбу — выглядел настоящей звездой криминального мира.

Так что Го Ю всё больше склонялся к мысли: подчинить Цзигуя можно было только грубой силой.

Шэнь Янь же вспомнил кое-что другое. Постучав пальцем по холодной жестянке, он не стал отрицать:

— Кое-что произошло.

Например, то волшебное приложение.

Впрочем, делиться этим пока не стоило, а то сочтут за сумасшедшего.

Го Ю же решил, что угадал на все сто, и ахнул, хлопнув по столу:

— Я так и знал! — Он подался вперёд и понизил голос: — Но ты полегче, Брат Янь! Цинь Цзигуй — гордость школы, а не уличный гопник. Если ты его искалечишь, Хорёк с тебя шкуру спустит! Кстати, о птичках... Брат Янь, ты вытянул из него правду?

Шэнь Янь отпил газировки:

— О чём?

— Как Цзигуй умудрился узнать, что ты собираешься сбежать через забор? Да ещё и подсунул липовый дневник дежурств, чтобы тебя провести! Какая ему с этого выгода?

Шэнь Янь замер с банкой в руке.

Вот оно! Так вот о чём он забыл!

Стоило Го Ю напомнить, как в памяти тут же всплыло вчерашнее высокомерное выражение, с которым Цинь Цзигуй обвёл его вокруг пальца. Гнев вспыхнул с новой силой. Шэнь Янь поджал губы и с глухим стуком водрузил банку на стол:

— После уроков спрошу.

Оставить эту строчку незакрытой? Ну уж нет.

Обмануть его?!

Ну держись, гад.

Как только прозвенел последний звонок, Шэнь Янь, обуреваемый жаждой расправы, подхватил рюкзак и двинулся в сторону кабинета класса 2-1.

Чжу Пэн и Го Ю, сгорая от любопытства, увязались следом.

У задней двери они столкнулись с Линь Цянь. Шэнь Янь заглянул в класс:

— Где Цинь Цзигуй?

— Ушёл уже, — ответила Линь Цянь, укладывая вещи. — Ты к нему по делу?

Опять смылся?

Что за трусливая натура!

Шэнь Янь огорчённо скривился и уже собрался уходить, как вдруг развернулся к Линь Цянь:

— Ты на Хоуцзе ужинать?

— Ну да, — кивнула та, застёгивая молнию рюкзака.

— Пойдём с нами, — бросил Шэнь Янь.

—? — Линь Цянь настороженно вскинула глаза. — Ты что, с задержкой в развитии осознал, что влюбился в меня?

Шэнь Янь онемел от такой наглости.

Потрясающий полёт фантазии.

Чтобы исключить любые недоразумения, он отчеканил с ледяным лицом:

— Брат Жань передал, что шпана из Чжигао собирается подкараулить тебя вечером. С нами

побудешь — меньше проблем будет.

Под «меньше проблем» подразумевалось «мне будет удобнее набить им морды».

Чжу Пэн и Го Ю уже приготовились успокаивать девушку, думая, что та испугается, но Линь Цянь лишь презрительно фыркнула:

— Собачье отродье! Подумали, будто я их испугаюсь? Погнали, сами их подкараулим. Если я сегодня не покажу этим кобелям, что за красивой мордашкой скрывается лезвие, они забудут, как надо уважать старших!

С этими словами она закинула рюкзак на плечо и с заведомо дерзким видом отправилась на Заднюю улицу. Шэнь Янь шёл рядом с не менее независимым видом, а за ними, словно верные телохранители, семенили двое горе-дружков.

Задняя улица — Хоуцзе — представляла собой старый квартал между школой Шивай и профессиональным лицеем Чжигао, так и не дождавшийся сноса. За поворотом располагалась ещё одна отстающая школа — Третья школа Наньву.

Три школы на одну ветхую улочку, забитую подпольными компьютерными клубами, забегаловками и глухими заброшенными переулками без камер и контроля. Настоящий лабиринт и идеальное место как для свиданий, так и для махача.

Чтобы пройти из лицея Чжигао к Шивай, нужно было миновать узкий проход. У самого входа в него глухонемая женщина держала тележку, где готовили, по общему признанию, лучшую на всей улице чунцинскую лапшу и картофель «волчий зуб».

Компания с весьма недружелюбным видом оккупировала столик возле этой лавочки, заказала по порции острой лапши с соусом и замерла в ожидании «добычи».

Шэнь Янь, хоть и воспитывался в роскоши, уличной едой не брезговал, однако держался с привычным изяществом: вальяжно откинулся на стуле, вытянул длинные ноги и ел неспешно, сохраняя благородную осанку.

А вот Чжу Пэн с Го Ю, впервые выбравшиеся на «разборки», взгромоздились ногами на край ступенек, растопырили колени и с азартом уплетали лапшу, громко чавкая и подрагивая ногами, — изо всех сил пытались сойти за бывалых уличных авторитетов.

Линь Цянь решила, что антураж работает отлично, и присела на корточки рядом с ними, в точности скопировав их позу.

Троица в одинаковых школьных формах Шивай образовала трогательный рядок.

Когда прохожие в энный раз одарили их диковатыми взглядами, Шэнь Янь молча отодвинул свой стул на метр назад, пытаясь изобразить, что он не с ними.

Но Чжу Пэн тут же издал вопль оскорблённой добродетели:

— Брат Янь! Как ты можешь от нас отречься?! Мы же пришли создать тебе массовку для солидности!

У Чжу Пэна от долгого сидения на корточках уже подрагивали икры, но сдавать позиции он категорически отказывался:

— Ну и где они? Мы тут полчаса торчим, у меня ноги затекли!

Линь Цянь тоже устала, похлопала себя по ляжкам и проворчала:

— Вот именно, Шэнь Янь. Ты часом не выдумал всё это, просто чтобы вытащить меня на ужин? Сразу предупреждаю: ты мне больше не нравишься, локти кусать поздно! У нас теперь исключительно деловые отношения в формате «угостил-поел».

— Ага, Брат Янь, — поддакнул Го Ю, трясаясь всем телом, словно при приступе Паркинсона, но не забывая сплетничать. — Хоть блудный сын и дороже золота, но хорошая лошадь старую траву...

Не успел он закончить поговорку, как встретился с ледяным взглядом Шэнь Яня.

Го Ю мгновенно заткнулся.

Шэнь Янь лишь слегка нахмурился.

Брат Жань на ветер слов не бросал, а если бы в планах что-то изменилось, предупредил бы заранее. Да и у гопоты из Чжигао не было причин так резко давать заднюю.

Время ужина подходило к концу, так почему же их до сих пор нет?

Интуиция подсказывала, что здесь кроется подвох. Словно разрозненные детали пазла просились в единую картину, но ухватить связующую нить никак не удавалось.

Не успел он пораскинуть мозгами, как взгляд зацепился за силуэт, мелькнувший в самом конце переулочка. Глаза Шэнь Яня сузились. Он поднялся, бросил деньги на стол и чеканил:

— Доедайте и дуйте в школу. У меня дела.

Го Ю сориентировался первым:

— Что, враг на горизонте?

— Угу. Очень хитрый враг. Но я сам справлюсь, за мной не дёргайтесь, — Шэнь Янь подхватил рюкзак.

Но сделал это слишком резко: портфель с глухим, тяжёлым стуком задел угол стола.

Го Ю на инстинктах подставил руки, подхватив его, и обомлел:

— Охренеть! Брат Янь, ты что за оружие массового поражения туда упихал?! Почему он такой неподъёмный?

И уже потянулся к молнии.

Шэнь Янь, словно боясь, что тайное станет явным, вырвал рюкзак из его рук и огрызнулся:

— Твой портфель, что ли, чтобы лапать?

— Да блин, Брат Янь, драка дракой, но эта тяжесть в твоей сумке кого хочешь на тот свет отправит! К тому же сейчас вечерняя самоподготовка начнётся. А если тебя опять Цинь Цзигуй сцапает? — искренне заволновался Го Ю.

Линь Цянь, прихлёбывая газировку «Северный полюс», не без удовольствия вставила:

— Не очкуй, Цзигуя сегодня на вечерних занятиях не будет.

Шэнь Янь обернулся к ней:

— Хорёк ему опять увольнительную выписал?

— Не-а, — пояснила Линь Цянь. — Декан сказал, что ради подготовки к олимпиаде по информатике он может выходить из школы без всяких бумажек. И уроки прогуливать официально разрешено.

—???

В голове у Шэнь Яня вспыхнул огромный знак некропонимания.

Каждый раз, когда он пытался выбить у Хуан Шуляна увольнительную, тот выпивал из него все соки. Приходилось канючить днями напролёт — неудивительно, что Шэнь Янь довёл навык перелезания через заборы до совершенства.

А Цинь Цзигую, значит, даже бумажки не нужны?!

Словно прочитав его мысли, Чжу Пэн, не прожевав лапшу, принялся размахивать палочками:

— Вы же разные! Если Цзигуй и сваливает с уроков, то лишь потому, что школьная программа для него — пройденный этап, и он уходит учиться самостоятельно. Уж он-то нарушать закон точно не станет.

Шэнь Янь фыркнул:

— Будто я стану.

Линь Цянь оценила его взглядом:

— Ну, по крайней мере, у тебя на лице написано, что можешь.

Шэнь Янь вылупил на неё:

—???

— Объясняю на пальцах, — сжалилась представительница класса по литературе Линь Цянь. — Вы оба красавчики, но у тебя лицо избалованного мажора-посепаху, а у него — холодного, неприступного праведника. Если вы вдвоём одновременно окажетесь в элитном борделе с депозитом в полмиллиона, то ты, Шэнь Янь, явно пришёл туда спускать папины деньги, а Цинь Цзигуй — проводить облаву с ОМОНОм. Теперь понял?

Понял.

Как же, держи карман широким!

Что за дурацкие стереотипы?!

С чего они взяли, что Цзигуй не может быть там в качестве одного из «мальчиков»?!

Шэнь Янь чуть не задохнулся от возмущения.

Но обиднее всего было то, что возразить оказалось совершенно нечем.

Потому что этот кусок мусора, Цинь Цзигуй, за всю свою жизнь реально не совершил ни единого аморального поступка! Образцовый ученик до мозга костей.

Нудный, правильный, сухой как сухарь. Оказаться с ним в одном ряду — уже зашкварительнее некуда.

— Сам разберусь. За мной не ходить! — буркнул Шэнь Янь, закинув рюкзак на плечо.

Он быстро подбежал к кирпичному забору в конце переулка, легко подпрыгнул, уцепился за край, подтянулся, перемахнул через ограду и мгновенно скрылся из виду.

Линь Цянь: «...»

Го Ю: «...»

Чжу Пэн: «...»

С таким уровнем криминального мастерства они при всём желании за ним бы не успели.

Оставалось только тяжело вздохнуть:

— Эх, остаётся надеяться, что кристально чистая аура праведника Цинь Цзигуя хоть немного передастся Брату Яню... А то ведь реально по наклонной пойдёт.

А тем временем Шэнь Янь, балансирующий на грани статьи УК, аккуратно крался по следам скрывшегося противника, опасаясь засады и стараясь не упустить цель.

Добравшись до тупика, он тщательно осмотрелся, убедился, что вокруг никого, сбросил рюкзак, присел на корточки, расстегнул молнию и с торжественным видом извлёк на свет увесистую, сверкающую баночку...

Кошачьего консервированного корма.

Пару месяцев назад, когда Шэнь Янь возвращался из интернет-кафе, его «подставил» один чрезвычайно ласковый, но ужасно тощий рыжий кот.

Тощий рыжий кот — это звучало как преступление против кошачьей природы, поэтому Шэнь Янь скрепя сердце позволил себя околпачить.

Однако стоило ему прикормить наглеца, как тот испарился. Шэнь Янь целую неделю таскал с собой банку корма, пытался найти прохвоста, но всё впустую. И надо же было такому случиться, что прямо сейчас он случайно заметил со спины этого неблагодарного беглеца!

Беглец, похоже, исхудал ещё сильнее. Нужно было срочно задерживать и водворять на место! Естественно, про банду из Чжигао Шэнь Янь тут же забыл.

Разумеется, рассказывать об этом друзьям было нельзя. Чтобы грозный, леденящий души школьный авторитет прыгал через заборы и прогуливал уроки ради какого-то кота?! Да если узнают, опозорится на всю жизнь!

Шэнь Янь привычным движением вскрыл банку и, как учили в тайных кошачьих инструкциях, дважды постучал по крышке:

— Мяо-мяо!

Тишина.

— Мяо-мяо! — повторил он громче.

Снова никакой реакции.

Мяо-мяо — такое имя он дал рыжему наглецу. Раньше тот откликался с первого раза, а сегодня словно дал сбой.

Неужто снова дал дёру, чуя вину?

Шэнь Янь прошёлся вдоль переулка, заглядывая в груды мусора и тихо позывая:

— Мяо-мяо... Мяо-мяо...

Опасаясь спугнуть пугливую беглянку, суровый школьный задира вынужден был смягчить голос до нежного, мурлыкающего шёпота, в котором проскальзывали капризные юношеские нотки.

К счастью, переулок был глухим. Услышь кто-нибудь этот тошнотворно-ласковый лепет, Шэнь Яню пришлось бы убрать свидетеля, чтобы защитить свою репутацию.

С этой мыслью он завернул за угол:

— Мяо...

И замер на месте, словно вкопанный.

Прямо перед ним стояли знакомые белые кеды, безупречно гладкие штанины школьной формы Шивай и свисала изящная, кисть руки.

Рука была красивой — бледной, костистой, с аккуратно подстриженными ногтями. Вот только возле старой ссадины красовалась свежая, ещё сочащаяся кровью царапина — явный след недавней драки.

А чуть дальше, у стены напротив, скучковавшись и дрожа от ужаса, сидели на корточках несколько крашенных гопников с жалобными минами. Выглядели они до боли знакомо.

Информация в голове Шэнь Яня отказалась укладываться мгновенно.

Он хлопнул глазами, медленно поднял голову и встретился с холодным, отстранённым взглядом Цинь Цзигуя. И в этот самый момент из его горла сам собой вырвался не успевший затихнуть звук:

—... Мяу?

Интонация вышла недоумённой, мягкой и до нелепого капризной.

Пальцы Цинь Цзигуя дёрнулись, словно от ожога.

<http://bllate.org/book/20611/2108931>